

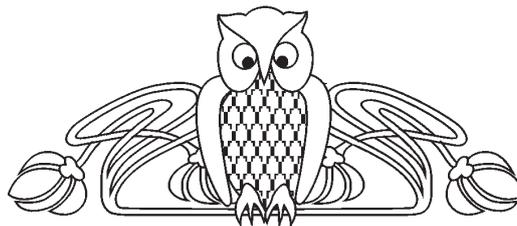

УДК 1(091)

ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ ФИЛОСОФИИ: ДЕФОРМАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Жилин Владимир Ильич –

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, естественно-научных и правовых дисциплин, Омский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

В учебной и справочной литературе советского периода принцип партийности философии трактовался своеобразно: на передний план выдвигалась принадлежность к политической партии и соответствующему классу. Существенная трансформация известного философского принципа не только искажала ретроспективный выбор философом той или иной партии, «устав» и «программа» которой определялись почти произвольным выбором онтологии и гносеологии, но и вносила в сознание многих поколений людей фундаментальное оправдание для «благородной» ненависти к иному. Такое понимание принципа партийности не способствовало поиску истины, так как предполагалось, что она давно найдена «классиками». Аналогично относились к иным и философы в Средние века. Диалектический материализм не только продолжил традицию средневекового отношения к инакомыслию, но и пошёл дальше. Теперь в арсенале партии власти оказался не только аппарат насилия и принуждения государства, но и идеология, полученная на основе своеобразного диалектического синтеза «выжимок» из материализма и идеализма. В результате идеи стали подчинять себе массы вне зависимости от своей истинности или ложности. Теперь уже с «убедительным» обоснованием истинным оказывается всё, что выгодно в данный момент партии и её вождю. Принцип партийности, принятый советской философией, внёс существенный вклад в псевдотеоретическое обоснование и моральное оправдание агрессии к инакомыслию и инакомыслящим. При этом складывается вполне отчётливое впечатление, что партии материализма и идеализма в их сугубо онтологическом выражении не имеют к этой яростной и беспощадной борьбе отношения. Война миров не обусловлена различием онтологий: её ведут иные партии.

Ключевые слова: принцип партийности, научные школы, философия, идеология.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-65-72

Нередко, особенно в учебной и справочной литературе советского, а иногда и постсоветского периода, принцип партийности философии трактовался однобоко, чего, вероятно, он сам и требовал от штатных писателей. На первый план при таком взгляде на принцип партийности выдвигалась принадлежность к политической партии. Существенная трансформация известного философского принципа не только искажала ретроспективный выбор философом той или иной партии, «устав» и «программа» которой

определялись почти произвольным выбором онтологии и гносеологии, этики и эстетики, но и вносила в сознание многих поколений людей фундаментальное оправдание для «благородной» ненависти к иному.

Г. Л. Смирнов в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г., определяя суть партийности, отмечал: «Само понятие “партийность” неразрывно связано с деятельностью политической партии, отчётливо выражающей интересы класса или социальной группы и берущей на себя задачу руководства их политической борьбой. Поэтому партийность характеризуется высокой степенью осознанности классовых интересов и приверженностью политической линии партии» [1, с. 480]. Такая трактовка принципа партийности, можно предположить, не инициировала отечественных философов к поиску истины (предполагалось, что она давно найдена «классиками») и требовала от них изрядной сноровки в деле пропаганды «единственно» научного мировоззрения и «единственно» научной методологии. А. П. Огурцов подтверждает это предположение: «Сталинизм не нуждался в философии как науке. Ему было совершенно чуждо объективное, критическое осмысление действительности, неприемлемо само искание истины, ибо последняя уже была провозглашена “гениальным учителем и вождём всех народов”. Поэтому “уже возвещённую” истину следовало лишь повторять, заучивать и комментировать» [2, с. 353].

Однако не философам-большевикам принадлежит первенство в таком жёстком выражении своей партийной позиции: аналогично третируют и философы-христиане в Средние века. Г. Г. Майоров, описывая партийные приёмы Св. Августина, отмечает: «Если к сказанному добавить почти полное игнорирование Августином материалистических элементов философии Аристотеля и совершенное забвение им Демокрита, то отношение “отца” средневековья ко всему античному материализму прояснится до конца. Прояснится и глубочайшая партийность, идеологичность его позиции.

Упрощая и нередко просто третируя материалистические учения древности, чтобы легче было их опровергнуть и отбросить, Августин с ещё большим рвением превозносит античный идеализм, правда, упрощая и его, однако не для того, чтобы его осудить и отвергнуть, а для того, чтобы посредством подходящей экзегезы поставить его на службу христианской догме» [3, с. 200].

Но в истории философии известны и менее агрессивные формы партийного противостояния. Д. Юм [4], вероятно, тоже придерживаясь своей философско-партийной позиции, с иными, нежели большевики, эмоциями выражает отношение к партийности. Вначале он констатирует наличие произвола в выборе той или иной философской позиции: «Человеку здравомыслящему и учёному легко понять шаткость основания даже тех систем, которые достигли наибольшего признания и которыми предъявлены наивысшие претензии на точность и глубину мышления. Принципы, принятые на веру; следствия, выведенные из них с грехом пополам; недостаток связности в частях и очевидности в целом – вот что постоянно можно встретить в системах наиболее выдающихся философов» [4, с. 47]. Далее Д. Юм не без иронии замечает: «Споры множатся – точно всё решительно недостоверно, ведутся же эти споры с величайшей горячностью – точно всё без исключения достоверно» [4, с. 48]. И самое главное замечание, связанное с возможностью обнаружения истины в этих спорах: «Посреди всей этой суматохи награда достанется не разуму, а красноречию; и всякий, кто достаточно искусен, чтобы представить самую безумную гипотезу в наиболее благоприятных красках, никогда не должен отчаиваться в возможности привлечь к ней приверженцев. Победу одерживают не вооружённые люди, владеющие копьём и мечом, а трубачи, барабанщики и музыканты армии» [4, с. 48].

Достоинно выражает своё отношение к иной философской позиции и Б. Рассел. Отдавая должное логической связности доктрины субъективизма, он замечает: «Нет никакого логического абсурда в гипотезе, что мир состоит из меня и моих мыслей, чувств и ощущений и что всё остальное есть просто фантазия» [5, с. 43]. Однако мировоззренческая установка Б. Рассела, его философско-партийный взгляд на возможность познания дают ему основания утверждать существование мира за пределами Я. В этой связи, переходя границы скептицизма и субъективизма, Б. Рассел утверждает: «Таким образом, если мы не можем быть уверены в неза-

висимом существовании объектов, мы оказываемся в пустыне – может оказаться, что весь мир есть не что иное, как сон, а существуем только мы одни. Это весьма беспокоящая возможность, но, хотя невозможно строго *доказать* её ложность, нет ни малейших причин предполагать её истинность» [5, с. 40]. И всё. Он не обзывает Беркли и его последователей идиотами, шарлатанами, реакционерами, идеалистическими сволочами, дешёвыми филистерами, черносотенцами, философскими безголовцами, учёными приказчиками теологов, жалкой кашницей и т.п. Он не требует высылать их из страны, казнить или арестовывать. Он лишь обозначает позиции и аргументирует свой выбор.

Но большевикам, вооружённым «передовым» учением, нет дела до этого интеллигентского «слюнтяйства», хотя и у них есть аргументы за партию материализма. Свою принадлежность к партии материалистов В. И. Ленин оправдывает гносеологическим оптимизмом: «Если мир есть движущаяся материя, – её можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальном проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне её, вне “физического” внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может» [6, с.365]. Но материализм, соединённый с диалектикой, уже не может ограничиться обозначением позиций противоборствующих сторон и аргументами «за» и «против». Ведь диалектический материализм призван на авансцену истории не для объяснения мира, а для его активного преобразования. И в этой связи для победы хороши все средства.

Отстаивать партию материализма взялась диалектика – доктрина, рождённая Гераклитом, в рамках которой война необходима, вражда – обычный порядок вещей. Война обнажает истину и раздаёт по заслугам: победителей приравнивает либо к богам, либо к свободным людям, проигравших, если они трусили и не пали в бою, делает рабами. Диалектика, обретя статус методологии в идеализме Гегеля, пропитала его своей яростью.

Диалектический материализм возомнил себя непогрешимым и непобедимым, ведь теперь он может использовать в качестве партийного оружия и арсенал материализма, и арсенал идеализма, и арсенал диалектики. Теперь для победы необходимо лишь организовать и повести за собой подавляющее большинство, вооружив его «верной» идеей своей партии. А когда идея овладеет массами, вне зависимости от своей истинности или ложности, тогда эти

самые массы сметут в революционном угаре какие угодно преграды – монархии, правительства, идейных и политических оппонентов, – и «истина» наконец восторжествует. Именно в этой связи агитации и пропаганде на всех этапах строительства коммунизма в СССР отводилась решающая роль.

Азарт, задиристость начинающего философа-марксиста в начале XX в. ещё не могли иметь смертельных последствий для представителей иных партий и вполне напоминали перебранку философов Античности. Не имея аргументов, значимых для иной партийной позиции, в ход шли обычные для межгрупповых стычек приёмы: презрительные насмешки, оскорбительные ярлыки и т.п. Закладывая фундамент революционно заточенного принципа партийности в философии, В. И. Ленин говорит: «Те глупенькие “теоретические” ухищрения (с “энергетикой”, с “элементами”, “интроспекцией” и т.п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и общественная тенденция этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит свою службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и “физическим” идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и “физиологическим” идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берёт себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма» [6, с. 364]. Ярко. Эмоционально. Оскорбительно. В расчёте на соответствующую такому восприятию аудиторию, но не более.

Но такая неукротимая ярость, агрессия марксизма говорит о его неуверенности и страхе. На эту особенность последователей К. Маркса обратил внимание и Л. И. Шестов. В 1923 г., характеризуя позицию материализма в его споре с идеализмом, он замечает: «Правда, материализм принимает очень близко к сердцу судьбу своих доводов, будучи почему-то уверенным, что ему придётся непременно разделить их судьбу. И вообще он слишком щепетилен и, несмотря на свою видимую грубость, нервничает гораздо больше, чем следовало бы философской теории» [7, с. 150]. Ну а как поступают физически или интеллектуально слабые трусливые люди, получившие власть, хорошо известно. И деяния марксистов в России после 1917 г. тому убедительное подтверждение. При этом острые шуточки, оскорбительные прозвища, присущие и репертуару дискуссий античных философов, очень быстро дополняются репрессиями средневековья.

В границах политически истолкованного принципа партийности после захвата власти у «новой» философии пропадает нужда в поиске истины в её корреспондентском варианте. От высказываний уже не требуется соответствовать реалиям. Они, прежде всего, должны приносить политические выгоды. При этом было бы также хорошо, чтобы различные высказывания согласовывались друг с другом (хотя, при необходимости оправдать алогизмы и паралогизмы, в запасе есть «фундаментальный» диалектический закон единства и борьбы противоположностей). Именно в таком русле и ведут себя все нувориши: и от политики, и от псевдофилософии, и от псевдокультуры. Для начала взявшие власть минимизируют влияние других «партий» (политических и интеллектуальных оппонентов) на человеческие массы. Политики послереволюционной России с этой задачей удачно справились: кого-то в 1922 г. выслали за границу, а кого-то арестовали и/или расстреляли [8]. На этом этапе, если ты не моральная проститутка, у тебя практически нет шансов выжить, оставаясь на захваченной территории: надо либо принимать бой, либо скрываться. Политический нейтралитет в подавляющем большинстве случаев трактуется новой властью как презумпция твоей виновности. В. И. Ленин, описывая ещё до революции 1917 г. в России борьбу между материализмом и фидеизмом, предупреждал: «Нейтральность философа в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом» [6, с. 365]. Самая гнусная из всех партий, соглашался В. И. Ленин с И. Дицгенном, есть партия середины.

В 1922 г. уже «маститый» философ-марксист, находясь во власти, не «брызжет» во все стороны оскорблениями. Это ни к чему. Есть и другие возможности доказать свою правоту. Так, в программной для мартовского номера журнала «Под Знаменем Марксизма» статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин [9], характеризуя российскую интеллигенцию, практически не выходит за дицгеновских «дипломированных лакеев поповщины». Но в заключение вполне недвусмысленно разъясняет: «Марксистскому журналу придётся вести войну и против подобных современных “образованных” крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею ещё не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов учёных обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место» [9, с. 33]. Но сделать это надо секретно, толково, без глупостей. И с этим должно справиться ведомство, руководимое Ф. Э. Дзержинским. В. И. Ленин в мае 1922 г. пишет ему письмо: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглумим. Прошу обсудить такие меры подготовки» [10, с. 265]. Разъясняя Дзержинскому «вкус того соуса», которым следует сдобрить «блюдо» акции по высылке интеллигенции, В. И. Ленин отмечает: «Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов и растлителей учащейся молодёжи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [10, с. 266]. «Военными шпионами», «растлителями учащейся молодёжи», «пособниками Антанты» и «контрреволюционерами», как известно, оказались Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, С. Л. Франк и др. – всего 161 человек.

Покончив с явными оппонентами, новая политическая власть в реализации принципа партийности идёт дальше и берёт всю интеллектуальную деятельность населения под жёсткий контроль. Для этого наглухо закрывается граница и не допускаются контакты с внешним миром. Разрешённые контакты происходят под пристальным вниманием доверенных лиц и для определённых целей, связанных с выживанием новой власти. Влияние инакомыслящих на людей также резко ограничивается. П. В. Алексеев, описывая механизмы, с помощью которых российская интеллигенция «перековывалась» в советскую, отмечает: «Одним из важнейших факторов, воздействовавших на политическую эволюцию учёных старой формации, явилось развёртывание критики идеализма и перекрытие основных каналов его воздействия на представителей интеллигенции» [11, с. 137]. Для этого средства массовой информации и образование наполняются соответствующим чисто идеологическим (как правило, для СМИ) и идеологизированным (как правило, для образования) содержанием. Так называемые гуманитарные

науки становятся активными проводниками новой идеологии (само слово наука в отношении к гуманитарному знанию добавляется для придания весомости мнению в массовом сознании), а философия трансформируется в псевдофилософию и уже в этом облики превращается в активное средство подавления науки, культуры и мышления как такового. А. П. Огурцов, вскрывая роль советской философии в развитии и реализации принципа партийности, отмечает: «Философия, низведённая до уровня «идеологического оружия», сама превращается в средство подавления науки. Появляются статьи о марксизме в хирургии, о диалектике двигателя внутреннего сгорания, о марксистско-ленинской теории в кузнечном деле, о применении материалистической диалектики в рыбном хозяйстве. Советский журнал венерологии и дерматологии формулирует новые задачи перед медиками – ставить все вопросы под углом зрения диалектического материализма» [2, с. 367]. И это внедрение «новой» философии в интеллектуальную деятельность учёных и инженеров, врачей и деятелей культуры уже не вызывает приятных эмоций и не способствует раскрытию творческого потенциала. Да творчество, собственно, и не требуется. Нужна дисциплина ума. И в этой связи П. В. Алексеев, оправдывая высылку философов-идеалистов из Советской России в 1922 г. и репрессии по отношению к оставшимся, отмечает: «Эти акции давали понять, насколько серьёзно новое государство оценивает политические заявления, насколько они могут быть действительно опасными, что заставляло более вдумчиво относиться к политике, к своей политической позиции, вело к повышению чувства социальной ответственности и дисциплинировало (в широком смысле слова) мышление специалистов науки старой школы» [11, с. 168].

Контроль интеллектуальной деятельности в контексте большевистски истолкованного принципа партийности предполагает и смену нижерасположенных управленческих кадров. Эти управленцы, во-первых (и самое главное), должны быть лично преданы новой власти и, во-вторых, они не должны быть отягощены опытом и знанием (хотя на первых порах новая власть и вынуждена активно использовать «спецов», которые заявили себя вне политики).

Молодым контролёрам-пропагандистам не надо знать истории процесса, который они поставлены контролировать. Это вредно для их же здоровья и даже жизни. Им надлежит либо воплощать идеи (если они есть) своих вождей-

руководителей, либо делать теоретические «развороты» их туманных намёков. И то, и другое опасно. В силу того, что мало желающих взять на себя ответственность за последствия дурных решений, теоретики-лакеи предпочитают первое, вожди-руководители – второе. Это о таких вождях-нуворишах, отдающих направо и налево распоряжения, народная мудрость едко молвит: «пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», но главное, чтобы это «не знаю что» мне принесло выгоду.

Параллельно с установлением контроля над интеллектуальной деятельностью новые власти начинают работу и по теоретическому обоснованию (точнее, оправданию) своих практических неудач. Для этого чрезвычайно востребованной становится софистика, которую для статуса называют диалектикой. Своим «тонким» чутьём молодые теоретики «новой» философии улавливают веяния времени и, используя арсенал диалектики, начинают действовать. Пробным камнем становится принцип партийности. Именно этот принцип, по утверждению А. П. Огурцова [2], кладётся в основание «идеологии лояльного единомыслия». Однако, с моей точки зрения, обновлённый философиями-большевиками принцип партийности несёт в себе более существенный для формирования мировоззрения потенциал. Этот, дополнительный к «идеологии лояльного единомыслия», потенциал теоретически оправдывает и легализует «пролетарскую» (=групповую) ненависть к инакомыслию, оправдывает и развязывает руки борцам за «правое дело». П. В. Алексеев приводит и партийные аргументы, которые поставили всех немарксистов вне закона: «Идеализм оказался несовместимым со всем строем жизни нового государства. Близкая связь большинства идеалистов и теологов с контрреволюцией и их претензии на “идеологический” нэп вынудили Советскую власть вплотную заняться их деятельностью» [11, с. 164].

А. П. Огурцов [2] называет авторов большевистски уточнённого принципа партийности – это М. Б. Митин, В. Ральцевич, П. Ф. Юдин. С его точки зрения, эти молодые философы сталинского этапа в развитии марксизма предложили узкое, сектантское понимание партийности, что с неизбежностью привело к дискредитации и отдельных учёных, и целых научных направлений. В дальнейшем, став академиками, эти вершители дум и судеб получили почти безграничную возможность влияния на мировоззрение многих поколений советских людей.

Переосмысленный, наполненный новым содержанием, принцип партийности настойчиво требует новых жертв. Иначе и быть не может, так как востребованность жертв была в него изначально заложена. Принцип, по большому счёту, лишь теоретически оформил «классовую», а точнее, групповую и даже личную, ненависть к иному. Истина в новых социальных реалиях стала понятием партийно-политическим и, в соответствии с этим, она может быть лишь провозглашена, а не обнаружена. А пока единственный знаток истины её не озвучил, следовало, предугадывая точку зрения мессии-вождя, заранее истребить конкурентов уже из числа соратников, чтобы в будущем иметь возможность дышать и думать с Ним в такт. А. П. Огурцов, характеризуя полемику 20-х гг., отмечает: «Но уже в этой первой дискуссии, расколовшей лагерь марксистов на две непримиримые группы, отсутствие научных аргументов компенсировалось грубостью и крепостью эпитетов, обвинениями в ревизионизме и ликвидаторстве, экстремистским фанатизмом в проведении своей позиции, причём любая иная позиция трактовалась при этом как оппозиция. Каждая из полемизировавших сторон не слушала аргументы и контраргументы другой стороны» [2, с. 356].

Наполненный новым содержанием принцип партийности вместе с «непреложным фактом» обострения классовой борьбы по мере строительства социализма подвёл теоретический фундамент последующей псевдофилософской и псевдонаучной полемики. Философия, влившись в матрицу обновлённого большевиками принципа партийности, переродилась в идеологию. А. П. Огурцов в этой связи отмечает: «В философии, ставшей идеологией автократии, всё более утверждались и окончательно победили серость, раболепство, прислужничество, доносительство и страх. Уже были расстреляны или умерщвлены в лагерях Н. А. Карев, И. К. Луппол, С. Ю. Семковский, Я. Э. Стэн, Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский и сотни мыслящих философов. Черное крыло репрессий, колесница смерти и убийств подмяли под себя философскую мысль. Сталинисты от философии (а их было немало) были не только оруженосцами палачей, одетых в форму НКВД, но и сами палачами, преданными “гению всех времён и народов” и поставившими эту преданность выше нравственности» [2, с. 368]. Этот список жертв обновлённого большевиками-коммунистами принципа партийности можно продолжать и продолжать, добавляя в него имена биологов,

химиков, физиков, инженеров, аграриев, экономистов, литераторов, художников и представителей других сфер деятельности. Но, с точки зрения П. В. Алексеева, действия большевиков в отношении сторонников идеализма были обоснованы: «И вины Советской власти не было в том, что значительная часть философов-идеалистов и богословов потянулась к политической контрреволюционности. Этим они ставили себя за рамки системы идей, включались в систему контрреволюционных акций того времени» [11, с. 150]. Более того, П. В. Алексеев приводит и замечательный пример воплощения принципа партийности советской философии: «Буквально за несколько дней до написания статьи “О значении воинствующего материализма” (она была написана 12 марта 1922 г.), содержавшей обоснование программы теоретической работы марксистов, В. И. Ленин передал управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову сборник статей “Освальд Шпенглер и закат Европы”, о котором речь шла выше, с сопроводительной запиской, в которой просил познакомить с этой книгой заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта» [11, с. 150]. Понятно, что аппарат ВЧК имел достаточно действенных средств для управления направленной эволюцией «старорежимных» философов в сторону марксизма.

Свое наиболее одиозное выражение, сохранившееся на многие десятилетия, принцип партийности философии получил в выступлении А. А. Жданова в 1947 г. на второй дискуссии по поводу оценок книги Г. В. Александра «История западноевропейской философии». А. П. Огурцов [2], делая содержательную «выжимку» принципа партийности из этого выступления, представляет его неукоснительные требования: противники должны быть подвергнуты «уничтожающей критике», борьбу следует вести «непримиримо», многовариантность в развитии философской мысли должна быть исключена, истинно научная история философии может быть только историей зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов, суждения, высказанные классиками марксизма-ленинизма, представляют собой «абсолютную истину».

Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х гг. в СССР, повлияла на мышление наших граждан. Появилась возможность получить сведения, выходящие за пределы идеологически оформленной в русле принципа партийности концепции истины. На некоторое время принцип партийности даже вернул себе первоначальный смысл и

содержание. Однако это продолжалось недолго. Вычеркнув из своего лексикона «принцип партийности» как словосочетание, скомпрометировавшее себя в советский период, псевдонаучное сообщество с целью самосохранения продолжило политику клановости, но уже в новом оформлении и без лидирующей роли философии (философы глубоко и с запасом на многие десятилетия были впечатлены идеологической работой своих коллег при власти во времена строительства коммунизма). Новое оформление клановых интересов российских околонучных деятелей произошло под именем «научная школа». При этом в очередной раз, совершенно в традициях софистики, произошло существенное изменение содержания понятия «научная школа». По большому счёту от этого понятия осталась лишь словесная оболочка [12].

Агрессивность советских псевдоучёных, оформленная, оправданная и инициируемая принципом партийности, приобрела в XXI в. иные, вполне интеллигентные очертания. Сегодня, в продолжение этой традиции, свою интеллектуальную ограниченность и научную бесплодность нередко прикрывают ссылкой на выработанные и устоявшиеся в рамках «школы» стиль работы и мышления, научную идеологию, научно-исследовательскую программу и т. п. «Научные школы», несколько смягчив меру наказания за инакомыслие и спрятав своё презрение к иному за маской вежливости, вместе с тем продолжают традиции партийности. Партийность современного познания, оформленная под «научную школу», уже не требует расстрела или тюремного заключения для инакомыслящих, хотя и сегодняшние «вершители судеб» ещё могут искалечить жизнь учёного, который ведёт свой научный поиск вне рамок так называемой «школы» и «наивно» продолжает искать истину как соответствие реальности.

При этом клановые «кормушки», в последнее время официально оформленные как научные или педагогические «школы» (речь идёт, прежде всего, о гуманитарном познании), будучи склеены административными, финансовыми и личными связями, а не преемственностью проблематики научных исследований в длительном поиске истины, продолжают культивировать «партийность», однако уже без всякой «диалектики» принимают (опять же латентно) за «свою» лишь прагматическую концепцию истины, но в своём, наиболее пошлом, понимании как личную выгоду. Проплачивается всё: написание статей, монографий и диссертаций,

защиты диссертаций, распределение грантов и т.д. В качестве валюты кроме денег и подарков-подношений идёт личная преданность, должности, соавторство, взаимные ссылки в публикациях и пр. Всё это происходит почти в открытую. Связь лидера такого рода «школы» с членом ВАК оценивается дополнительно. Видя это, зная это, довольно трудно удержаться от едкой реплики Ленина: «Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо» [6, с. 366]. И чем всё это закончится, предвидеть нетрудно.

Меняются слова, обозначающие то или иное явление, наполняется новым, иногда противоположным, смыслом одно и то же слово. Иногда это происходит по недоумению писателей, но чаще осмысленно, с целью манипуляции массовым сознанием. И это враньё «во благо», враньё «во спасение», накапливая напряжение мира и отсрочивая катастрофу, делает её не только неизбежной, но и грандиозной по выделяемой мощности и, соответственно, разрушительной силе. При этом складывается вполне отчётливое впечатление, что партии материализма и идеализма в их сугубо онтологическом выражении не имеют к этой яростной и беспощадной борьбе отношения. Война миров не обусловлена различием онтологий: её ведут иные партии.

Список литературы

1. Смирнов Г. Л. Партийность // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 480–481.
2. Огурцов А. П. Подавление философии // Суровая драма народа : учёные и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 353–374.
3. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). М., 1979. 431 с.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 3 кн. Кн. первая. О познании. М., 2009. 400 с.
5. Рассел Б. Избр. тр. Новосибирск, 2009. 260 с.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 18. 526 с.
7. Шестов Л. И. Неопровержимость материализма // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : философия и мировоззрение. М., 1990. С. 150–151.
8. Дружилов С. А. Трагедия отечественной высшей школы в период послереволюционной разрухи // Вопр. образования. 2012. № 3. С. 241–257.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. 730 с.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1975. Т. 54. 864 с.
11. Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. 272 с.
12. Жилин В. И. Полипарадигмальность, конвенциона-

лизм и роль научных школ в гуманитарном познании // Современные проблемы и перспективы теории и методики обучения математике : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию юбилею д-ра пед. наук, проф. В. А. Далингер. Омск, 2010. С. 30–35.

Principle of Party Membership of Philosophy: Deformations and Transformations

V. I. Zhilin

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow State University' branch in Omsk
195, block 18, 10 years old of October str., Omsk, 644009, Russia
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

In educational and reference books of the Soviet period the principle of party membership of philosophy was treated peculiar. Belonging to political party and the corresponding class was put in the forefront. Essential transformation of the known philosophical principle not only distorted a retrospective choice the philosopher of this or that party, «charter» and which «program» were defined by almost any choice of ontology and gnoseology, ethics and an esthetics, but also brought in consciousness of many generations of people a fundamental justification for «noble» hatred to other. Such understanding of the principle of party membership didn't promote search of truth since it was supposed that it is found long ago by «classics». Similarly philosophers in the Middle Ages treated others also. The dialectic materialism not only carried on tradition of the medieval relation to dissent, but also went further. Now in an arsenal of the party in power it appeared not only the device of violence and coercion of the state, but also the ideology received on the basis of a peculiar dialectic synthesis of «residue» from materialism and idealism. As a result of idea began to subordinate to themselves masses regardless of the validity or falsehood. Now with «convincing» pseudo-theoretical justification true is everything, everything that favourably at present to party and its leader. The principle of party membership accepted by the Soviet philosophy brought an essential contribution to pseudo-theoretical justification and a moral justification of aggression to dissent and dissidents. Now on its basis it was possible to justify everything. Thus there is quite distinct impression that parties of materialism and idealism in their especially ontologic expression, have no relation to this furious and ruthless fight. War of the worlds isn't caused by distinction of ontologies. It is conducted by other parties.

Key words: principle of party membership, schools of sciences, philosophy, ideology.

References

1. Smirnov G. L. Partiynost (Party membership). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Philosophical encyclopedic dictionary). Moscow, 1983, pp. 480 – 481.
2. Ogurtsov A. P. Podavlenie filosofii (The suppression of philosophy). *Surovaya drama naroda: Uchenye i publitsisty o prirode stalinizma* (The harsh drama of the people: scholars and commentators about the nature of Stalinism). Moscow, 1989, pp. 353–374.

3. Mayorov G. G. *Formirovanie srednevekovoy filosofii (latinskaya patristika)* (Formation of medieval philosophy {Latin Patristics}). Moscow, 1979. 431 p.
4. Uym D. *Traktat o chelovecheskoy prirode. Kn. pervaya. O poznanii* (A treatise on human nature. The first book. About knowledge). Moscow, 2009. 400 p.
5. Rassel B. *Izbr. tr.* (Selected works). Novosibirsk, 2009. 260 p.
6. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 18* (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1968. Vol. 18. 526 p.
7. Shestov L. I. *Neoproverzhimost materializma (The irrefutability of materialism). Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzrenie* (In the fracture. Philosophical discussions of the 20-ies: Philosophy and worldview). Moscow, 1990, pp. 150–151.
8. Druzhilov S. A. *Tragediya otechestvennoy vyshey shkoly v period poslerevolutsionnoy razrukhi* (The tragedy of the Russian higher school in the period of post-revolutionary devastation). *Voprosy obrazovaniya (Educational Studies)*, 2012, no. 3, pp. 241–257.
9. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 45* (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1970. Vol. 45. 730 p.
10. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 54*. (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1975. Vol. 54. 864 p.
11. Alekseev P. V. *Revolyutsiya i nauchnaya intelligentsiya* (The revolution and the scientific intelligentsia). Moscow, 1987. 272 p.
12. Zhilin V. I. *Poliparadigmalnost, konvetsionalizm i rol nauchnykh shkol v gumanitarnom poznanii* (Polyparadigm, conventionalism and the role of scientific schools in humanitarian cognition). *Sovremennye problemy i perspektivy teorii i metodiki obucheniya matematike: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Modern problems and prospects of the theory and technique of training in mathematics: materials of the All-Russian scientific and practical conference). Omsk, 2010, pp. 30–35.